

МОЕ поколение не слышало живого Маяковского. Мы лишены впечатлений, которые составляли пласт духовной жизни наших родителей. Остались восторги мемуаристов и несколько грамзаписей. «...Вот и я умру и буду нем», — сказано в стихах, а в прозе: «Вот сдохну, и никакий черт не сумеет так прочитать. А чтение актеров мне прямо противно». И мы почему-то с напряженным волнением вслушиваемся, как сквозь какофонию шумов и треска выбирается и звучит совсем не легендарный бас и рык, а иного свойства и иной силы голос, поразительно красивый в разговорной интонации, неожиданный в вокальности: «Па-а-аслушайте! Ведь, если звезды зажигают...».

Недавно нашли и восстановили «Исповедь хулигана» — читает Есенин. Это лирика, но она чревата такой драматической бурей, что расхожим представлениям о есенинской лирике само собой делается поправка. Тщательным трудом специалистов восстановлены голоса А. Блока, В. Брюсова, В. Кириллова, О. Мандельштама, М. Волошина, Н. Деметьева — это бесценный подарок и ученым, и поэтам, и всем, кто читает и слушает.

Дарование Маяковского исполнителя было соразмерно не только его личности, но и убеждению, что «если поэт плохо читает свои стихи, то это свидетельствует о несовершенстве самого произведения... Каждая поэтическая строка, утверждал он, основана на возможностях собственного голоса...», — так передает его мысль Симон Чиковани. Возможности голоса, таким образом, приравнены к возможностям души. Ведь не красоту тембра имел в виду Маяковский. Речь идет об уникальной связи поэта со словом и о том, что связь эту никто лучше автора раскрыть не может.

Эти мысли достаточно общего порядка вызваны недавними впечатлениями. Авторские вечера поэтов в Концертной студии Останкино — такое название получил с апреля нынешнего года новый цикл передач Центрального телевидения и тут же незамедлительно стал объектом внимания и горячих обсуждений.

Поэтов ждали и ждут. Ждут от них правды и высоты искусства, ждут их самих, какие бы споры их имена ни вызывали у критиков. Последовавший за первым же вечером Андрея Вознесенского поток зрительских писем подтвердил этот напряженный и массовый интерес.

«Поэт не должен нравиться всем», — сказал недавно Вознесенский. Поэт вообще не должен «нравиться». Зато он должен, ему необходимо — глазами, ушами, перстами — ощущать, что его слышат, что чей-то слух им встревожен. К ближайшему собеседнику обращена его речь, к другу в поколении или к читателю в потомстве. Но выход со словом, в слове для поэта есть жизнь,

и жизнь единственная — другой не дано.

Оттого, наверное, все четыре прошедших поэтических вечера — А. Вознесенского, Р. Рождественского, А. Межирова, Б. Ахмадулиной — прочно связывало нечто общее: чувство ответственности, максимальная сосредоточенность. И оказалось, что именно это передается в зал и с экрана, держит наше внимание прочнее и лучше других приемов и способов.

Роберт Рождественский, например, владеет многими приемами телевизионного общения, на этот раз формой общения были стихи. Его право было выбрать, что читать, — он читал «Реквием», «О незаменимых» (из поэмы «Посвящение»), «Памяти Василия Шукшина» и многое другое. Сосредоточеннее на предмете поэзии полнее открыла поэта Рождественского и, думаю, прида-

на, поставили еще и трибуну, он сам об этом попросил — людям моего возраста, сказал он, так удобнее. И встал рядом с трибуной.

Час и тридцать минут этот человек говорил один, читал стихи, отвечал на записки, и невозможно было оторваться от экрана. Ответственность и достоинство — это первые слова, которыми можно определить поведение Межирова на эстраде.

В его арсенале как будто нет иных средств воздействия вне стихов. Нет эффектного артистизма, нет выработанной пластики, нет эстрадности. Артистизм у Межирова свой, внутреннего свойства, и он находит свои формы сценического существования. Эта выжатая, «большая» артикуляция; этот жест, как бы произвольный, странно не соответствующий ритму стиха, а на самом деле принадлежащий стиху так же,

ет благодарность за хлеб. Слово — тот же хлеб, это тоже давно сказано.

Возможно, облик Беллы Ахмадулиной, читающей стихи у микрофона, требует иных сравнений.

Пришла и говорю: как нынешнему снегу легко лететь с небес в угоду февралю, так мне в угоду вам легко взойти на сцену. Не верьте мне, когда я это говорю.

Какой прихотливый строй мысли в первой же прозвоненной строфе! (Вышла легко и красиво, но голову несет не гордо, напряженно вытянув шею вперед: встала — глаза беспокойные, лицо нервное; в горле что-то дрогнуло, распрямилось, напряглось, как у птицы. Птица вся — с ладонь, а голос — на весь лес.) С полной иск-

рассчитана на звуковое приращение. Это не корыстный, а поэтический расчет, на который творец имеет право.

И скажет кто-нибудь: она была артистка, И скажет кто-нибудь: она была поэт.

Поэт читает-звучит, страдает-просит, и то, что казалось манерностью или старомодностью, предстает как природа, которую, как известно, надо охранять.

Межиров слышит свою музыку в мире, Ахмадулина — свою. А две гармонии, две мелодии — это больше и богаче, чем одна, и несовпадение их так же полно значения, как близость.

Станали яростно, навзрыд, Одной-единой страсти ради На полустанке — инвалид И Шостакович — в Ленинграде.

Н. КРЫМОВА

ЧАС ПОЭТА

ла большую весомость его поэтическому слову.

В этом отношении телевидение что-то меняет в наших представлениях, и меняет быстро. Всего полгода назад вечер Андрея Вознесенского обрадовал своей компактностью и соответствием авторскому стилю. Участие композиторов Р. Щедрина, М. Таривердиева, певицы С. Ротару — все было строго регламентировано стилем вечера, стиль утвердился характером поэта. Но теперь кажется, что Андрей Вознесенский без помощников, один на один с публикой — это было бы серьезнее, строже и в конечном итоге значительнее.

От вечера к вечеру телевидение все смелее берет на себя ответственную роль — посредника между поэтом и слушателями. Единственность посредника — это очень важно и принципиально в данном случае, ибо «иллюстрировать», сопровождать и объяснять — первая и главная наша привычка. Пусть в других передачах читают артисты, поют солисты и хоры. Играют ансамбли, говорят литературоведы. Пусть на свой лад они используют стихи. Но когда вечер отдан поэту, пусть поэт и отвечает за каждое свое слово сам.

Ничто не заслонило Александра Межирова на подмостках. Никто его не объяснял, не сопровождал. Диктор Анна Шилова очень хорошо представила его и ушла, села в зале. (В кадр иногда попадало ее слушающее лицо — как хорошо она слушает!) Никто и ничем Межирову не помогал, разве что, кроме микрофо-

как рука принадлежит Межирову.

Стихи звучали без объявления, одно за другим, вместе — как монолог, по историческому времени растянутый на десятилетия, но спрессованный в час. Война в этих стихах проступала в незаживших болях, а мирное человеческое бытие утверждало свою правоту и внутреннюю «немирность».

Парадоксально, но нетеатральный поэт Межиров (в ответе на записку категорически отрезавшийся от театра) на наших глазах нес в себе театр, очень сложный, касающийся не столько выразительных форм подачи, сколько другой, более тонкой материи — душевного устройства, его конфликтности. А в его «выразительности» был свой расчет, обдуманный, профессиональный, чаще всего — точный.

Хочет того человек или нет, но вот так, стоя час на экране, он виден весь, целиком. Поэт этим и интеллигентен. Кто не хочет быть видимым, не должен соглашаться на такой рентген. Пока что согласившиеся выдержали, подтвердив тем самым, что в своей непохожести друг на друга все они — наше достояние и наше счастье.

Достояние? Счастье? Мне (как и многим) даны сегодня такие поэты, и в них, как в зеркале, я вижу себя и своих близких, хотя иногда с досадой отворачиваюсь. Как было сказано, народ не выбирает своих поэтов, точно так же, как никто не выбирает своих родителей. А читая своих поэтов, не скучный долг, а естественное дело, как естественной быва-

Новый цикл передач Центрального телевидения

ренностью сказала, что взойти на сцену ей легко «в угоду нам», и тут же: «Не верьте мне...». Так верить или не верить? Этот вопрос можно задать поначалу, заметив следы манерности, а потом стыдно будет за самый этот вопрос. Здесь не манерность и даже не «манера». Здесь человек — поэт с полным доверием, открыто почти до невозможного, раскрывает себя, свою боль, свою радость. Ахмадулина не выносит с собой на сцену выделенности, но цепко захватывает в стихи многие приметы живой жизни. Из ряда других Белла Ахмадулина выступает как-то по-особому: резко — и плавно, решительно — и мягко, осторожно — и смело. Она не боится быть витиеватой, почти на грани пародии, но и эту свою причуду защищает, как родное дитя, а раз так, то и обижать ее — грех. Иногда настолько завораживают звук голоса, вибрация гортани, смятение глаз, что куда-то исчезает смысл стихов. О чем они? Не знаю, что-то упущено. Может быть, важное? Но уж очень ворожит звук, можно слушать его как музыку. Поэзия Ахмадулиной и

его приятие тем, кого Ахмадулина назвала своими «соседями по земле и по времени».

Необходимо два слова сказать о работниках телевидения, точнее — о работниках Главной редакции литературно-драматических программ Центрального телевидения. Ведь они (как и мы), собственно, тоже «соседи» и могли обнаружить или свою причастность к поэзии или непонимание ее. То, как по-разному, хотя и в едином ключе, сняты четыре передачи, как бережно и точно берет телекамера фигуру и лицо поэта, как оператор снимает лица слушающих, — во всем приметы не скучного телевизионного ремесла, но режиссуры, которая приближается к искусству. Маяковский, кстати, говорил, что «повышение нашей культуры» придаст новое значение поэтическому слову, отстранив «прикрысы, гипнотически покоряющие некультурного». Энтузиасты поэзии на телевидении решились устранить побочные «прикрысы» и таким образом продемонстрировали, что повышение нашей культуры есть дело наших же рук, любви и мастерства.